

Гунсунь Цянь изменился в лице и резко вскочил. Не веря собственным ушам, он вцепился в воротник Люй Бувэй и почти выкрикнул:

— Что ты несешь?! Как это отродье может быть твоим?!

Люй Бувэй даже бровью не повел. Глядя на беснующегося собеседника, он невозмутимо ответил:

— С чего бы такое удивление, почтенный Гунсунь? Разве я не мужчина? Подарить женщине дитя для меня — дело нехитрое.

Гунсунь Цянь задрожал. Бессильно разжав пальцы, он выпустил воротник торговца, попятился, едва удерживая равновесие, и растерянно пробормотал:

— Не может быть... Как... Как твое дитя?.. Из-за жалкой наживы я погубил дело, которое поручил мне государь! Что же теперь делать?.. Я подвел своего правителя. Мне незачем больше жить.

Едва слетели с губ эти слова, как в его безумном взгляде решимость сменилась мертвым хладнокровием. Он рванул из ножен висевший на поясе меч и полоснул себя по горлу.

— А-а-а-а!..

Горячая, пахнущая железом кровь брызнула прямо в лицо Люйцяо. Обезумев от ужаса, служанка рухнула на пол. Ее пронзительный, истощенный визг эхом разнесся по усадьбе и долетел до дальнего двора, откуда на крик прибежала супруга Гунсунь Цяня.

— Супруг мой! — только и успела выдохнуть женщина.

Она застыла, не мигая глядя на бьющегося в конвульсиях мужа, чье лицо стремительно синело. Краска мгновенно сошла с ее щек. Издав глухой стон, несчастная лишилась чувств и замертво рухнула навзничь.

Служанки, прибежавшие следом за хозяйкой, в панике заметались. Поднялся невообразимый крик: одни пытались привести госпожу в чувство, другие в ужасе жались к стенам, не решаясь подойти к истекающему кровью телу хозяина.

Люй Бувэй бесшумно приблизился к окаменевшей Люйцяо, грубо схватил ее за запястье и рывком поднял на ноги. Глядя в ее остекленевшие глаза, он наотмашь влепил ей пощечину.

— Пришла в себя? — процедил он сквозь зубы, сощурившись. — А теперь говори: что все это значит?!

Люйцяо зажала ладонями пылающую щеку и низко опустила голову. Ее била крупная дрожь. Она не смела поднять глаз на Люй Бувэя; горло сдавили рыдания, и за несколько минут она не смогла выдать ни звука.

Но великий купец слишком хорошо знал цену женским уловкам — через его богатые покои прошли десятки искушенных наложниц. Одного взгляда на девчонку хватило, чтобы понять: он искал предателя не там. Не Чжан Ли донес властям. Это сделала она.

Ярость волной захлестнула Люй Бувэя. Он принялся иступленно наносить ей пощечину за пощечиной. Лишь когда у девки зашатались зубы, он остановился и, тяжело дыша, прошипел:

— Зря я тогда расчувствовался и пощадил тебя! Жизнь тебе, тварь, подарил!

— Господин Люй! Молю, не продавайте меня больше! — взмолилась Люйцяо.

Ее лицо распухло и превратилось в сплошной багровый синяк, от былой красоты не осталось и следа. Она миготом проглотила слезы, боясь издать даже тихий стон, и мертвой хваткой вцепилась в его полы, умоляя о пощаде.

С того самого утра, когда Люй Бувэй застукал ее при попытке соблазнить Цинь Цзычу, Люйцяо мысленно попрощалась с жизнью. Казнить ее тогда не стали. Торговец лишь одарил ее ледяным взглядом и бросил управляющему:

«Раз этой девке невтерпеж оказаться в мужских объятиях, отправьте ее туда, где мужчин в избытке».

Люйцяо не успела и пикнуть: ей зажали рот и, словно бездыханного пса, выволокли со двора. Ее заперли в темной каморке на окраине города, морили голодом несколько дней, лишая последних сил к сопротивлению, а затем продали в самый дешевый притон, где ей приходилось день за днем ублажать грязный сброд.

Там она и понесла — сама не зная от кого. Пользуясь своим положением, она прикинулась тихой и забитой, усыпила бдительность охраны и после полугода невыносимого кошмара сумела бежать.

Поначалу Люйцяо собиралась вернуться в усадьбу Цинь Цзычу. Она надеялась надавить на жалость, вымолить прощение у мягкосердечного заложника и выпросить кров. Но, добравшись до места, она обомлела: из боковых ворот тайком ускользал сам Цзычу, переодетый в женское платье, а вместе с ним — Чжао Цзи с детьми!

Люйцяо была неглупой девкой и сразу поняла: Цзычу и Люй Бувэй бегут. Но раз купец был рядом с княжичем, ей спасения ждать не стоило — он бы ни за что не взял ее с собой. Тогда, стиснув зубы, она решилась на крайний шаг и бросилась доносить в дом чиновника Гунсунь

Цяня.

«Раз эти двое лишили меня будущего, пускай заплатят», — рассудила она. Люйцяо надеялась, что за поимку беглого наследника Цинь благодарный Гунсунь Цянь осыплет ее золотом и пристроит в приличное место.

Однако судьба сыграла с ней злую шутку.

Цзычу все равно ускользнул. Стража приволокла обратно лишь рассвирепевшего Люй Бувэя, а сам Гунсунь Цянь, не вынеся позора и краха своей карьеры, наложил на себя руки.

Люйцяо понятия не имела, с какой стати купец объявил себя отцом ее ребенка, но интуиция подсказывала: сейчас ее единственный шанс выжить — держаться за Люй Бувэя обеими руками. Если он уедет без нее, домочадцы покойного чиновника разорвут ее на части. Гунсунь Цянь и его супруга холили и лелеяли ее только потому, что верили: под ее сердцем течет кровь наследного принца Цинь! Стоит правде выплыть наружу — и ей конец.

Мысли вихрем неслись в ее голове. Терять было нечего, и Люйцяо с плачем повалилась купцу в ноги:

— Господин Люй! Ради нашего нерожденного дитя, умоляю, не бросайте меня здесь! Это же... это ведь твоя плоть и кровь!

Люй Бувэй сощурился, глубоко вздохнул и, наклонившись, рывком поднял ее с колен.

— Если ты врешь, — прошептал он ей на ухо с леденящей угрозой, — я устрою тебе такую жизнь, что смерть покажется избавлением. Помнишь притон? Хочешь вернуться туда?

В глазах Люйцяо заплескался дикий, животный ужас. Она отчаянно закивала, от страха прикусив язык до крови.

Люй Бувэй удовлетворенно кивнул, а в следующий миг его лицо вновь исказила маска праведного гнева. Он принялся осыпать девку ударами, крича на весь двор:

— Дрянь! Как ты посмела лгать почтенному господину Гунсуню?! Ты хоть понимаешь, что твоя клевета о наследнике Цинь едва не погубила меня?! Решила утянуть за собой в могилу весь род Люй?!

Хозяин лежал мертвым, хозяйка валялась без чувств — меньше всего управляющему усадьбы хотелось, чтобы слуги глазели на это позорище. Заметив, как Люй Бувэй распускает руки, он нахмурился и поспешил вмешаться.

Он перехватил занесенную руку торговца и недовольно проговорил:

— Довольно, господин Люй. В нашем доме горе и суматоха. Прошу вас пройти в гостевые покои и оставаться там несколько дней. А девицу эту не трогайте: когда госпожа очнется, у нее наверняка возникнут к ней вопросы. Если вы забьете ее до смерти, нам будет трудно держать ответ перед хозяйкой.

Люй Бувэй шумно выдохнул, напоследок с размаху пнул сжавшуюся в комок Люйцяо и лишь после этого заставил себя успокоиться. Сконфуженно посмотрев на управляющего, он негромко произнес:

— Простите. Мой несдержанный нрав лишь добавил вам хлопот.

— Понимаю ваше негодование, господин Люй, но сейчас не время для расправ. Прошу за мной, я провожу вас в усадьбу, — безучастно отозвался управляющий и, проигнорировав замешательство гостя, повелел слугам увести девицу, а самого купца повел в дальний флигель.

Шагая следом, Люй Бувэй обернулся. На лице Люйцяо читалось явное облегчение. Он незаметно сжал кулаки, мысленно пообещав себе: «Радуйся, тварь. Вот родишь — тогда и посмотрим, сколько тебе жить осталось».

Смерть Гунсунь Цяня была бесславной, однако новый правитель царства Чжао не стал преследовать его семью. Тем не менее похороны устроили самые скромные, и уже через три дня тело торопливо предали земле.

Вдова покойного за эти дни постарела лет на десять.

Когда человека хоронят, вместе с ним уходят и прежние заботы. Раз хозяина не стало, а Люй Бувэй и Люйцяо в один голос твердили, что ребенок в ее утробе не имеет отношения к правящему дому Цинь, вдова не желала больше видеть девку и на пороге своего дома. Она велела немедленно вышвырнуть обоих за ворота.

Люйцяо тенью плелась за купцом, боясь издать хоть звук. Люй Бувэй хмуро окинул взглядом ворота усадьбы Гунсуня и лишь тогда вспомнил о плетущейся позади девке, которая едва переставляла ноги из-за тяжелого живота.

Справившись с раздражением, он нехотя бросил:

— Залезай в повозку.

Устроившись на мягких подушках, он угрюмо уставился на ее округлившийся живот. В его голове, еще недавно занятой мыслями о спасении собственной шкуры, снова зашевелились честолюбивые замыслы.

Да, Цзычу забрал сына Чжао Цзи. Но что смыслит изнеженный мужчина в уходе за младенцем? Даже если они избегут погони и опасностей в пути, дитя вряд ли перенесет тяготы дороги.

А раз так...

Люй Бувэй задумчиво потер подбородок. На его губах заиграла тонкая улыбка, а взгляд, устремленный на живот Люйцяо, потеплел.

Если Ин Чжэн сгинет в пути, то ребенок этой девки, едва родившись, станет старшим сыном Цинь Цзычу! Значит, его грандиозный замысел возвысить собственный род с помощью беглого княжича все еще в силе.

Оценив открывающиеся возможности, купец принялся лихорадочно обдумывать, как поскорее покинуть пределы царства Чжао и добраться до Царства Цинь.

Цинь Цзычу и не подозревал, какую кашу заварил в Ханьдане коварная служанка. Благодаря заботам Чжан Ли их путешествие проходило в полном довольстве и покое. Лишения прошлых лет отступили, и вечно изнуренный, худой как щепка Цзычу заметно округлился, на его щеках проступил здоровый румянец.

Маленький Ин Чжэн завожился на его коленях, уютно устраиваясь под боком, и сладко зевнул. Его мягкое детское лепетание заставило сердце Цзычу растаять от нежности.

— А-а-а... Ну-ка покажи десны, — шутливо протянул Цзычу и с улыбкой заглянул мальчику в лицо. — Зубки режутся, да? Оттого ты в последние дни такой капризный, все к папе жмешься?

Стоило ему это произнести, как расслабившийся было малыш мгновенно подобрался и сердито уставился на Цзычу, забавно надув пухлые розовые щечки.

Не обращая внимания на напускную суровость сына, Цзычу принялся легонько щекотать его подмышками. Насупившийся грозный воитель не выдержал и звонко, заливисто рассмеялся.

Воспользовавшись моментом, Цзычу осторожно засунул палец ему в рот и бережно пощупал десны. Убедившись, что до первых зубов еще далеко, он с облегчением выдохнул и нежно поцеловал пухлую детскую щечку.

— Господин, мы пересекли границу царства Вэй. Теперь вы можете сменить женское платье, — негромко доложил сидевший у окна Чжан Ли.

Цзычу просиял. Он тут же открыл стоявший в углу дорожный сундук, достал мужской наряд и поспешно переоделся. Алое, как пламя, одеяние скрыло изящный девичий силуэт, выгодно подчеркнув благородную и яркую стать молодого мужчины.

Когда он обернулся к льющемуся сквозь занавески солнечному свету и мягко улыбнулся, все убогое внутреннее убранство кареты словно озарилось неземным сиянием.

— Кто путешествует в этой повозке? Не соизволит ли почтенный путник показаться мне на глаза? — внезапно раздался снаружи чарующий мужской голос. От одних этих певучих интонаций на душе становилось тепло.

Цзычу растерялся и инстинктивно прижал к себе спящего Ин Чжэна, укрывая его от чужих взглядов полами широкого рукава.

Придерживая подол плаща, он осторожно спустился на землю. Перед ним, восседая на статном высоком скакуне, красовался мужчина неопикуемой, почти девичьей красоты. Встретившись с Цзычу взглядом, всадник на мгновение замер, а затем звонко рассмеялся и бросил следовавшим за ним стражникам:

— Вышвырните их вон из царства Вэй!

<http://bllate.org/book/18277/1750295>